

17. Coles R. The Moral Intelligence of Children. N. Y. : Gardners Books, 1997. 80 p.

18. Fay J., Funk D. Teaching with Love and Logic. Colorado : The Love and Logic Press Inc., 1995. 339 p.

19. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 85–108.

© Сухоруких А. В., 2020

Н. В. Федорова

N. V. Fedorova

УДК 316.75

Науч. спец.: 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-35-39

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМЫ И НЕНОРМАЛЬНОГО В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

В статье на основе периодизации культуры Л. Н. Гумилева рассматривается проблема нормы и ненормального в становящейся культуре. Исследуются изменения, происходящие в культуре в период ее становления, и их влияние на нормы общества, которые трансформируются соответствующим образом. Выделены некоторые особенности нормы и ненормального этого периода, их характеристики.

Ключевые слова: норма, ненормальное, периодизация культуры, становление культуры.

TRANSFORMATION OF THE NORM AND THE ABNORMAL DURING CULTURE FORMATION

The article on the basis the periodization of L. N. Gumilyov considers the problem of the norm and the abnormal in the emerging culture. It studies changes occurring in the culture during its formation and their influence on the norms of the society, which are transformed accordingly. Some features of the norm and the abnormal of this period, their characteristics are highlighted.

Keywords: norm, abnormal, periodization of culture, the formation of culture.

Любое явление своей жизни человек стремится не только понять и описать, но и найти ему место в структуре мироздания. Особенно актуально такое стремление для науки. Практически во всех науках присутствует большое количество классификаций и периодизаций по тем или иным признакам, структурирующим все, что окружает самого человека и результаты его жизнедеятельности. Каждая новая классификация отменяет, изменяет или дополняет предыдущую. Автор каждой периодизации находит аргументы в пользу тех критериев, которые стали основой для его труда, доказывая таким образом не только право на ее существование, но и ее приоритет перед другими.

Данная тенденция сохраняется и при изучении культуры в философии. В попытках определить понятие «культура» появилось большое количество трактовок, раскрывающих те или иные аспекты понятия. В попытках систематизации различных культурных периодов появились теории культурных циклов (О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Ясперс, М. С. Каган и др.), дополняющие и исключаящие друг друга.

Мы в своем исследовании будем опираться на идею понимания культуры как социокода, надстраивающегося над биогенетическим кодом и взаимодействующего с ним. Такое понимание широко распространено в философско-культурологической литературе [1; 2]. Конкретизируя данное понимание, за основу примем представление В. С. Степина о культуре как иерархии программ деятельности, об их дифференциации в соответствии с возникающими в ходе эволюции подсистемами культуры (обыденное сознание, литература и искусство, религия и миф, политическое и правовое сознание, философия, наука), о наличии общих для всех этих культурных подсистем фундаментальных жизненных смыслов и ценностей, выраженных в мировоззренчес-

ких универсалиях, пронизывающих все сферы культуры [3]. По мнению автора, в своем сцеплении и взаимодействии эти универсалии функционируют в качестве генома социального организма. Таким образом, нам представляется логичным рассматривать культуру как дифференциацию нормы и ненормального во всех возможных проявлениях, которые автор называет подсистемами.

Накапливаемый и получаемый от предыдущих поколений опыт обогащается, развивается и трансформируется, что не дает культуре застаиваться, и знаком развития культуры является связь традиций прошлого и новаторства. По мнению М. С. Кагана, в процессе культурогенеза у человека сформировалась потребность выходить за пределы повторения созданного, за пределы репродуцирования известного, за пределы традиционных форм поведения и созидать новое, совершенствовать усвоенное, разгадывать неизвестное [4]. Именно эта потребность делает человека не просто человеком, функционирующим в заданных пределах, а человеком культуры, который преобразует окружающую его действительность.

Автор также утверждает, что в разных типах культуры удельный вес и авторитет творчески обновляющей и сохраняющей созданное активности человека существенно меняются, что, на наш взгляд, объясняет разновременность наступления тех или иных этапов культуры в тех или иных культурных пространствах. По этой же причине нам представляется сложным построение единой универсальной классификации культуры, а содержание традиционной культуры различно у разных народов.

Рассуждая о необходимости универсальной периодизации, Л. Н. Гумилев утверждает, что в ее основе должно быть не языкознание, а история [5, с. 45]. Соглашаясь с автором, мы также принимаем во внимание, что тот или иной

период культуры должен определяться не столько временными характеристиками, сколько событийными. Учитывая все сказанное выше, представляется возможным взять за основу периодизацию, предложенную Л. Н. Гумилевым, и выделить в культурогенезе три периода, которые, в свою очередь, демонстрируют изменение характеристик нормы и ненормального.

Первый период можно охарактеризовать как период бурного становления культуры и назвать *становящаяся культура*. Второй характеризуется некоторой стабильностью и называется *ставшая культура*. Третий период наступает при разрушении предыдущих двух и называется *культурой упадка* [5, с. 65].

По нашему мнению, данное деление на периоды позволяет не только увидеть развитие культуры в целом, но и применить это деление внутри каждого отдельно взятого культурного периода. Это дает возможность увидеть развитие любого из периодов культуры и любой из анализируемых культур, выделенных на любых основаниях, будь то культура Запада или Востока, культура первобытная или новейшая, массовая культура или элитарная.

Бытие любого явления во многом зависит от первоначального периода его становления. В развитии человека большое значение имеет период детства, период становления его как биологического и социального существа. Отчасти и продолжительность жизни человека, и ее качество зависят именно от начального периода его становления — детства. Подобная аналогия применима и к культуре. Особое значение в развитии культуры имеет период, когда культура переживает период своего становления, и в рассмотрении нормы и ненормального этот период нам представляется наиболее интересным.

Для этого периода характерно накопление, а значит, это период наибольшей активности человека. Следовательно, высок процент людей активных, способных на поступки. Кроме того, нам представляется, что именно для этого периода актуально общественное начало нормы и ненормального. Общественная жизнь, жизнь государства, племени, нации выходит на первый план, становится важнее индивидуальной жизни, жизнь отдельно взятого человека не просто отходит на второй план, а чаще всего просто обесценивается.

Смысл этого периода в том, что каждый активный «строитель» культуры чувствует себя ответственным за продолжение идей предков, но он не довольствуется только ролью охранника созданного его предками, он считает своим долгом что-то прибавлять к уже имеющемуся. Что именно он будет прибавлять, зависит от той идеи, которую он возьмет за основу своей деятельности. Это могут быть военные победы и завоевания, научные открытия или технические, духовные, морально-нравственные трактаты, эта «прибавка» говорит о том, что опыт предков не утрачен, он здесь, он сохранен и к нему стоит прибавлять еще и еще, новое и лучшее, ибо именно так формируются культурные традиции общества. Каждая деятельность, каждый поступок, каждое слово воспринимаются как приращение к существующему прошлому.

Результатом такого восприятия времени являются жертвенность и подвиги воинов, сложивших голову за свободу

своего народа, за его право на лучшую жизнь. Подобной была деятельность людей искусства, которые создавали статуи, усыпальницы, не оставив потомкам своих имен. Такими же были и храбрые мореплаватели, открывавшие, рискуя собственной жизнью, новые земли не для возвеличивания своего имени, а для прославления своего народа и отечества. Для их свершений характерно отсутствие личной заинтересованности и поисков выгоды для себя, своего имени или семьи, они ставили свое дело выше себя. Они ощущали себя продолжателями великих идей и традиций, а также частицей этих идей и традиций, отдавая для этого лучшие годы своей жизни, а иногда и саму жизнь. Так, манера рисования В. Ван Гога не была признана при жизни художника, как и сам художник. В его время писать крестьян за работой считалось не просто ненормальным, но даже аморальным. Только одно произведение художника «Едоки картофеля» выполнено по законам и правилам классического искусства, принятого в то время [6]. Стремление художника продемонстрировать свое видение жизни, самовыразиться в живописи стало для него в первую очередь способом существования в мире, а уж затем средством его постижения и воссоздания. В его искусстве впервые прозвучала тема сопричастности культуры к бедам и страданиям простого человека. В полотнах художника страстная жажда добра, красоты и справедливости передана с невероятным напряжением, что оказало огромное влияние на формирование многих художественных тенденций XX в. [7].

Нельзя сказать, что люди подобного склада не встречаются в другие культурные периоды, они есть, но их количество в этот период значительно больше, чем в иные. Именно такой склад людей становится нормой для этого времени. На их фоне ненормальным оказывается обыватель, проживающий свою жизнь спокойно и для себя, доживающий до глубокой старости, наживающий капитал для комфорта и удобства своей жизни и обеспечения потомков.

В период становления культуры формируется понимание нормы и ненормального для всех. Для людей этого периода характерна чрезмерная активность, харизматичность, по М. Веберу [8, с. 65], или пассионарность, по Л. Н. Гумилеву. Смысл пассионарности — в активности человека, он не только накапливает прошлое, но и чувствует недостатки этого прошлого и активно его изменяет [5, с. 68].

Люди пассионарного склада не способны к рационализации. Это люди, остро ощущающие ненормальность происходящего, чувствующие необходимость перемен. Их чувства обострены, а способность к рационализации притуплена настолько, что не позволяет даже сохранять свою жизнь. Для воинов Древнего Рима было ненормально дожить до старости, в собственном доме, находясь на покое. Так ощущали они свое предназначение — умереть ради идей, целей, которые не были даже их собственными. Совершенно нормально было умереть молодым, в бою, сражаясь за дело, которое значимо для его народа. Для Дж. Бруно было ненормальным отказаться от своих идей. Идеи макрокосма он ставил выше своей жизни. Так он чувствовал эту жизнь, это было нормой его жизни, в этом он видел ее ценность.

Как видим, становление новой культуры напрямую связано с наличием у большого количества индивидов тех

ценностей, которые являются не их узколичностными, а скорее ценностями того общества, в котором они живут. Это сочетается с их личной активностью, желанием действовать, изменять и преобразовывать свое окружение. Немаловажен, на наш взгляд, и тот факт, что для людей подобного склада достижение этой цели, зачастую реально недостижимой, не приносящей личной выгоды, оказывается важнее собственной жизни. Такой антиэгоизм, редко встречающийся в другие периоды культурогенеза, безусловно, является ненормальным, так как противоречит инстинкту самосохранения.

При благоприятных условиях из такого рода активности происходят положительные изменения — победа на полях сражений и мирная жизнь, отмена рабства и равноправие, новое направление в искусстве, новая религия. Так, в конце XIX в. в России возникли передвижные выставки картин. В них принимали участие все лучшие живописцы того времени, выходцы из различных слоев общества. «Обыватели» получили возможность увидеть лучшие произведения в подлинниках. М. Е. Салтыков-Щедрин, писавший об открытии одной из таких выставок, высказал мнение, что искусство не только перестало быть секретом, но и перестало отличать званных от незванных [9]. Все, чей голос в обществе ранее не имел значения, стали играть основную роль в жизни общества, а в русской живописи появилось новое направление — реализм.

Но возможны и совершенно противоположные изменения — разжигание войны, революционная разруха в стране, анархия, моральный и нравственный упадок. Однако в любом случае это приводит к перелому устоявшихся в обществе форм бытия. От небольших изменений традиций, обычаев, законов или некоторых допущений, которые ранее не имели места, до полного их отрицания и появления новых. То есть норма и ненормальное могут не только расширяться в область друг друга, но и полностью подменять друг друга.

Аналогичным образом О. Шпенглер рассуждает об этическом, духовном, художественном перевороте в культуре. Именно западной культуре автор приписывает этику действия, противопоставляя ее этике жеста. Он называет это «фаустовским идеалом», для которого нет ничего определенного раз и навсегда, он есть борьба и преодоление во всем без исключения.

Именно в такой культуре, по мнению философа, произошла трансформация библейского «Вначале было слово» в революционное «Вначале было дело». Именно в такой культуре оружием христианского проповедника могло стать не слово, а меч, с которым епископы эпохи императоров вели в бой своих последователей. Воля тех пап, перед которыми дрогнули наделенные властью европейские монархи, также могла иметь место лишь в становящейся культуре, как и отчаянная вера и упорство М. Лютера, позволившие ему реформировать веками складывающуюся догматику римской церкви.

Автор утверждает, что в основе готической архитектуры явственно представлена борьба за существование как идеальная форма бытия, аналогичная энергии произведений Данте, У. Шекспира, И. С. Баха и Л. Бетховена. Он видит в фаустовском человеке политика, большого инженера, способного организатора, он называет его «высшей породой людей», которые способны взять в руки судьбу своего народа

и всего человечества. Следует добавить, что это не просто борьба за существование как сохранение уже наличествующего, а как изменение принятой нормы, которая, по мнению этих новаторов, перестала соответствовать духу времени.

О. Шпенглер называет становление культуры этической формой, противопоставляя ее логической, как жизнь противопоставляется смерти. Этическая форма не имеет законов, поэтому для данного периода характерно нарушение законов, их изменение, смешение нормы и ненормального до полного их преобразования, но при этом она не только живет, но и порождает жизнь [10]. Это чистый живой образ, который явственно представлен в живописи, архитектуре, музыке, религии, драме и поэзии. Именно поэтому его так сложно (а иногда и невозможно) ввести в схему, правило или норму. Именно поэтому в период становления культуры активнее развиваются различные направления искусства, а не наука, военные победы совершаются не благодаря тактике, военному искусству полководцев или превосходящей силе, а вопреки им. Человек становящейся культуры видит историю и видит себя, свое место в истории.

По мнению О. Шпенглера, к периодам становления культуры следует отнести целый ряд веков, для которых характерно особое напряжение и динамизм. Так, период раннего Средневековья ознаменовался великими завоеваниями германских племен, которые подчинили себе почти все страны Западной Европы. Этот период называют Великим переселением, когда человек пытался подчинить себе природу доступным для того времени способом. В религии это и разделение христианства на западное и восточное, и расцвет католической церкви, и появление ислама и протестантизма. Зарождение науки и появление городов.

В появлении культуры Нового времени можно отметить прорыв в науке, технике, искусстве и революционной деятельности, в которых отразилось стремление человека к свободе, совершенству. Подобным образом И. Кант характеризует принцип становления и называет его практическим разумом, приписывая фаустовской морали, становящейся культуре категорический императив [11].

Следовательно, в данный культурный период актуальна изменчивость нормы и ненормального. Они, как правило, изменяются резко и достаточно кардинально. Большинство членов общества не только видят в себе продолжателей дел своих предков, но и привносят в них что-то новое, ранее недопустимое. Ненормальное в обществе достигает критической массы, и реакция пассионариев и новаторов на него становится неизбежной.

По такому сценарию, как нам кажется, развивалось законотворчество. Первоначально законы были не нужны, для людей было достаточным наличие неких устных договоренностей, неписаных правил, их выполнение обеспечивало стабильную, спокойную жизнь. Но со временем эти договоренности и правила стали нарушаться. Сначала отдельные случаи их несоблюдения постепенно приобрели массовый характер, и организованная жизнь людей перестала быть таковой. Это поставило под угрозу выживание племени и иного сообщества людей. Для новой организации жизни, для сохранения этого государства или нации потребовались изменения. Для того чтобы эти изменения реализовались

в жизни, необходим тот, кто острее других чувствует необходимость изменений и готов взять на себя ответственность за их внедрение и реализацию, тот, для кого изменения станут главной ценностью его жизни.

Ненормальное в обществе, приобретая определенную удельную массу или определенное восприятие у активных членов общества, начинало нормироваться. Следовательно, мы можем говорить о первичности ненормального, которое отчасти само по себе, отчасти под влиянием социума начинает нормироваться.

Ненормальное в жизни кочующих по пустыне иудеев, оторванных от привычной жизни, потребовало изменений. Таким образом, Бог через Моисея дал им Закон. Закон, данный Богом, должен был выполняться неукоснительно. Кроме того, все, признанные грешниками, в наказание не могли достигнуть Земли обетованной. И они, и все племя кочевало по пустыне, пока в племени не произошло обновление поколений. Однако история Ветхого Завета показывает нам, что нарушения Закона среди иудеев были многократны. Бог прощал им их отступления по просьбе Моисея и по своей великой милости, отменял назначенные наказания, смягчал их. Механизм действия нормы и ненормального нельзя назвать жестким, скорее он носил рекомендательный характер, предложение райской жизни или призыв к ней взамен на послушание.

Буржуазная культура возвела творчество и новизну в доминирующий принцип, норму, а следование традиции обрело негативную коннотацию, стало признаком ненормального. Это имело двойные последствия. Новаторство обеспечило, с одной стороны, технико-технологический прогресс, с другой — тулик культуры модерна. Маятник изменений может иметь различный размах, его величина будет зависеть от количества свободы общества того или иного культурного периода. В тоталитарных культурах свобода или ограничена, или сведена к нулю, поэтому в такие периоды изменения минимальны, и их нельзя отнести к стоящимся культурам.

В своей работе М. С. Каган опирается на мнение Н. Лумана, который утверждает, что будущее всегда присутствует в настоящем и функционирует в нем в виде возбудителя [4]. Этот принцип имеет свое онтологическое основание — связь последующего с предыдущим. Норма, являясь вторичной относительно ненормального, всегда содержит в себе зародыш ненормального и служит реакцией на конкретные проявления последней. Однако следует оговориться, что ненормальное несет в себе не одну, а несколько возможностей развития и изменения, а вот какая из них окажется актуальной, зависит от ценностей индивидов. В становящейся культуре в силу того, что общественные ценности превалируют над индивидуальными, изменения будут касаться жизни общества в целом, а не конкретных индивидов.

В действиях творцов культуры точкой отсчета в выборе ценностей станет «модель потребного будущего», именно так Н. Бернштейн определял цель [12]. Творцы всегда имеют цель, и эта цель будет связана с жизнью общества, с идеей его сохранения, развития, изменения к лучшему, а вот выбор средств может быть любым и будет непосредственно зависеть от тех ценностей, которые актуальны для новаторов.

Возможность изменения нормы и ненормального неизбежно приводит к проблеме поколений. Молодое поколение насколько продолжатели дел своих отцов и дедов, настолько же и разрушители полученного от них наследства. Согласно диалектическому материализму, смерть есть необходимый и закономерный результат жизни. По мнению Ф. Энгельса, отрицание жизни содержится в самой жизни [13, с. 66]. Данный закон диалектики действует и в период становления культуры. У молодых свои представления о нормальном и ненормальном, и те изменения, которые они привносят в культуру, именуются развитием культуры. Это развитие обеспечивается индивидами — новаторами, изменяющими наличное бытие (не всегда в лучшую сторону, но с верой в светлое будущее для всего общества) и ломающими не только традиции своей культуры, но и самих себя.

Однако, по мнению Л. Н. Гумилева, как этногенетический процесс может быть оборван в любой фазе, так и процесс культурогенеза может оборваться в любой период его развития. Тем не менее нам представляется более простым временем его прекращения именно стадия становления, когда нет еще необходимой силы для сопротивления. Как показывает история развития культуры, многие из знакомых нам культур пережили все стадии развития, это может означать, что период становления был достаточно сильным, а сильным он может быть только в том случае, если изменения носили тотальные и положительные тенденции для общества в целом, а не для отдельных индивидов.

Для подтверждения данного тезиса снова обратимся к примеру иудейской культуры. Закончив свои скитания по пустыне в поисках Земли обетованной, эти племена, ничем не отличавшиеся от других семитских племен (но проигрывающие на фоне египетской и вавилонской культур), отвоевали у последних значительную часть территории и удерживали ее, находясь в состоянии постоянных военных конфликтов. Это была интенсивно развивающаяся культура, пережившая многих своих соседей и практически погибшая в эпоху римского завоевания. Можно, конечно, объяснять это военным превосходством римской армии, для многих римских военачальников война была делом жизни. Однако гибель иудейской культуры совпала с тем периодом, когда еврейский народ в лице фарисеев, саддукеев и ессеев перестал ощущать свою культурную общность. Даже перед лицом опасности для всего иудейского народа каждая из этих групп продолжала заботиться о своих интересах и все силы расходовала на защиту интересов своей группы.

Героический захват территорий Римской империи продолжался ровно до тех пор, пока это было делом государственным. Как только в обществе стали превалировать узколичностные интересы (власть, нажива), закончился период становления римской культуры. Стабилизация и дальнейшая стагнация римской культуры привели к ее упадку, распаду империи, расширение границ закончилось, и современная Европа, даже территориально, не может претендовать на могущество имперского периода.

В период становления культуры на первый план в обществе выходят личности, отличающиеся своим пассионарным зарядом, творчеством и новаторством, что обеспечи-

вает изменения в обществе. Стираются различия между нормой и ненормальным, и они изменяются.

Итак, резюмируя все сказанное выше о норме и ненормальном в становящейся культуре, следует охарактеризовать их в данный период культуругенеза. Основное — это первичность ненормального и становление нормы, происходящее в этот период как реакция на него. Проявления ненормального, накапливаясь в обществе, достигают критического максимума, когда очевидна необходимость разграничения нормы и ненормального для организации и сохранения жизни племени, нации, общества, государства. Эта социальность в понимании нормы и ненормального и ее необходимость для жизни общества, его сохранения также являются характеристиками анализируемых понятий.

Необходимость изменений становится очевидной для большого количества индивидов, которые руководствуются не рациональностью, а чувствами. Таким образом, чувственность, противоречащая иногда потребности самосохранения, становится еще одной характеристикой нормы и ненормального для данного периода. Изменчивость устоявшихся в обществе правил, традиций также характеризует норму и ненормальное в период становящейся культуры. Эти изменения отличаются масштабами, которые могут приводить не только к расширению данных понятий, но и к полной их взаимозаменяемости. В то же время для этого периода характерна относительная мягкость, когда норма и ненормальное преподносятся в виде предложения, призыва, убеждения, принимаемого обществом, а не жестких требований, действующих в направлении сверху вниз.

1. Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Руниверс, 2004. 328 с.
2. Лотман Ю. Культура и взрыв. М.: Гнозис : Прогресс, 1992. 272 с.
3. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
4. Каган М. С. Философия культуры : учеб. пособие. СПб., 1996. 415 с.
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 640 с.
6. Великие художники. Т. 18. Винсент Ван Гог. М.: Директ-Медиа, 2009. 48 с.
7. Шама С. Сила искусства. М.: Азбука-Аттикус, 2018. 480 с.
8. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества : пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 43–72.
9. Салтыков-Щедрин М. Е. Отечественные записки // Русская литература : [сайт]. URL: <http://russkay-literatura.ru/zurnalistsika-xix-veka/69-zhurnal-otechestvennye-zapiski-1868-1884.html> (дата обращения: 10.03.2018).
10. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск : Сиб. изд. фирма ВО «Наука», 1993. 592 с.
11. Кант И. Метафизика нравов. М.: Мир книги : Литература, 2007. 400 с. (Великие мыслители).
12. Бернштейн Н. А. О построении движений. М.: Медгиз, 1947. 254 с.
13. Энгельс Ф. Материалы к Анти-Дюрингу // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 20. С. 629–678.

© Федорова Н. В., 2020

М. В. Чалдышкина
M. V. Chaldyshkina

УДК 101.1+616.8-009.7-08-039.75

Науч. спец.: 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-39-42

ПРОБЛЕМА БОЛИ В ПАЛЛИАТИВНОЙ МЕДИЦИНЕ И СМЫСЛ СТРАДАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье рассматривается проблема боли в паллиативной медицине. Автор прослеживает, как менялось понимание феномена физической боли в эпоху Античности, Средние века, Новое время. Утверждается, что переживание боли зависит от культурного контекста. Современная медицина фокусируется на физической боли, в то время как нравственное страдание пациента оставляет врача беспомощным. Преодоление данной тенденции автор видит в создании медицинской антропологии, признающей единство физической и душевной боли в моменте экзистенциального проживания и направленность личной боли на Другого, в совместном акте страдания пациента — сострадания врача. В основу такой медицинской антропологии может быть положено понимание боли и страдания в христианской традиции.

Ключевые слова: боль, страдание, паллиативная медицина, экзистенциал, биотехнологии.

PROBLEM OF PAIN IN PALLIATIVE CARE AND THE SENSE OF SUFFERING: PHILOSOPHICAL CONTEXT

The paper discusses the problem of pain in palliative care. The author traces how the understanding of the phenomenon of physical distress in Antiquity, Medieval period, and Modern age changed. The article states that experiencing pain depends on cultural context. Modern medicine concentrates on physical pain, while the patient's moral suffering leaves the doctor helpless. The author sees overcoming this tendency in creating medical anthropology, which recognizes the unity of physical and mental pain in the moment of existential experience and the orientation of personal pain towards the Other, in a joint act of patient's suffering and doctor's compassion. Such medical anthropology can be based on an understanding of pain and suffering in the Christian tradition.

Keywords: pain, suffering, palliative care, existential, biotechnologies.